

УДК 37: 81.112: 81'27

ПОНЯТИЕ ИНКЛЮЗИИ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Лариса Григорьевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lapina48@mail.ru

В статье анализируется функционирование общенаучного понятия «инклюзия» в немецкоязычном общественном дискурсе, посвященном европейской миграции. Анализ проводился на материале текстов социологической, лингводидактической и лингвистической направленности. Анализ языковых ресурсов позволил выявить различия в раскрытии понятия «инклюзия» в рассматриваемых областях общественного дискурса.

Ключевые слова: инклюзия; миграция; глобализация; многоязычие; гомогенное общество, интеграция; экспансия образования; лингвизм; миграционная педагогика.

Начало XX в. ознаменовались появлением нового понятия – «инклюзия» (*Inklusion*), которое во многом было обусловлено логикой развития многоязычия (*Mehrsprachigkeit*) на европейском континенте. Оба понятия предстают как взаимосвязанные и часто употребляются в одних и тех же контекстах. В статье предпринимается анализ статуса инклюзии в немецкоязычных текстах социологической, методической и лингвистической тематики, во многом формирующих общественный дискурс, связанный с восприятием миграционных процессов.

Язык всегда играл важную роль в национальном самосознании немцев. Этим и объясняется острота дискуссий в конце XX – начале XXI вв. о судьбе немецкого языка в новых исторических условиях, которая вполне закономерно осмысливается в терминах многоязычия – центрального понятия языковой политики, адекватной глобализационным процессам. Рефлексия по этому поводу осуществлялась преимущественно с использованием понятий *Sprachkontinent* ‘языковой континент’, *Wortkultur* ‘культура слова’, *Linguafrancaland* ‘регион, в котором используется язык лингва франка’, *Weltsprachen* ‘мировые языки’, *Nationalsprachen* ‘национальные языки’, *Sprachenmarkt* ‘рынок языков’, *Wertekatalog von Sprachen* ‘перечень достоинств языков, ценностный каталог языков’, *Verkehrssprache* ‘язык общения’ и т. п. Языковое многообразие Европы, являющееся результатом двухтысячелетнего исторического и культурного развития континента, оценивается как несомненное богатство. Однако если раньше исследователи задавались вопросом,

как теоретически и практически (*sprachpolitisch*) соотнести и гармонизировать интересы крупных европейских языков, находящихся в конкурентной борьбе за свой статус [Weinrich 2002], и даже намечали и сопоставляли множество возможных европейских языковых сценариев, то в конце XX – начале XXI вв. понятие многоязычия приобретает новое содержание: речь идет не столько о борьбе за статус своего языка (в том числе, как первого и второго иностранного языка), сколько об интеграции в существующую европейскую языковую среду языковых меньшинств из миграционных потоков.

Миграция изменила социальную структуру общества и привела к его мультиэтничности [Geissler 2014: 4]. Если в 1960 г. в Германии проживало всего 0,7 млн иностранцев, то начиная с 2015 г. страна приняла более миллиона беженцев из Сирии и других зон военных конфликтов и экономического бедствия. Растущая доля трудовых мигрантов характеризует социальную структуру и других европейских обществ. На ситуацию с беженцами немецкое общество ответило расколом. В противостоянии участвует, с одной стороны, так называемое «Движение патриотических европейцев против исламизации Западной Европы» (*Die Bewegung der Patriotischen Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*, сокращенно – *Pegida*). Противоборствующей стороной выступило общественное движение немцев, выступающих за реализацию демократических прав человека и лояльно расположенных к мигрантам (*Anti-Pegida-Bewegung*). Активно заявляют о себе и общественные

объединения самих мигрантов, резко выступающих против существования двух параллельных обществ: доминирующего общества коренных жителей (*Mehrheitsgesellschaft*) и маргинализованного сообщества беженцев. В Германии сформировалась общая платформа, представляющая интересы беженцев (*Flüchtlingszene*), которая приобретает межэтнический характер.

В качестве ключевых понятий в общественном дискурсе, посвященном социологическим аспектам миграции, выступают *Migration* 'миграция', *Multiethnizität* 'мультиэтничность', *sozialer Wandel* 'социальные изменения', *soziale Struktur der Gesellschaft* 'социальная структура общества', *Zufluchtsgesellschaft* 'общество, служащее прибежищем для беженцев', *Risikogruppen* 'группы риска', *Einkommensarmut* 'бедность из-за недостатка доходов', *Integration* 'интеграция', *Inklusion* 'инклюзия'. Приехавшие в страну иностранцы в различных социологических контекстах выступают то как *Gastarbeiter* 'иностранцы-рабочие, приезжающие на заработки', то как *Einwanderer* 'иностранцы, прибывающие в страну для постоянного проживания', *Migranten* 'мигранты', *unerwünschte Ausländer* 'нежелательные иностранцы', *deutsche Volkszugehörige* 'этнические немцы' и т. п. В то время как новое состояние общества, к которому стремятся политические элиты Германии, закрепляется в общественном сознании, как правило, в форме описательных выражений: *Einheit der Verschiedenen* 'единство различных людей', *Einheit der Vielfalt* 'единство в разнообразии', *das neue deutsche Wir* 'новое немецкое Мы'. Общая ситуация с беженцами в Европе характеризуется как *Flüchtlingskrise* 'кризис, вызванный притоком беженцев' и *Identitätskrise* 'кризис идентичности', требующие решения целого ряда проблем, направленных на социальную и политическую интеграцию мигрантов.

С изменением социальной структуры общества связана дестабилизация системы образования. Образовательный аспект инклюзии описывается с помощью понятий *Bildungsexpansion* 'экспансия образования' и *Bildungschancen* 'шансы на получение образования'. Экспансией образования называют непомерное расширение числа «продвинутых» школ и университетов. В результате молодые люди надолго застревают на этапе образования и сравнительно поздно начинают трудовую деятельность, не зря их называют *Postadoleszente*, *Nachjugendliche* 'лица, вышедшие из юношеского возраста', *junge Erwachsene* 'молодые взрослые'.

Равный доступ к образованию как важному общественному достоянию является одной из

заповедей социальной справедливости. Вместе с тем, ключевая для образовательной политики Германии идея равенства шансов является достаточно расплывчатой, поскольку наряду с меритократическими критериями неизбежно срабатывают и критерии социального отбора (*soziale Auslese*, *soziale Selektivität*), поскольку молодые люди в процессе социализации и учебы часто находятся в неравных условиях. Экспансия образования улучшила перспективы на получение качественного образования всех слоев населения, не устранив при этом резкого социального неравенства.

Являясь мерилем социальной справедливости, доступность образования справедливо рассматривается и как главный рычаг интеграционных процессов [Geißler, Weber-Menges 2008: 14–22], однако мощное социальное расслоение в Германии ведет к существенной разнице в успехах детей из семей с разным социально-экономическим статусом. В связи с этим в немецком языке активизировались слова-эвфемизмы *bildungsfern* 'далекий от образования' (для обозначения семей с низким образовательным цензом) и *bildungsnah* 'принимающий идеи образования' (для характеристики семей, ориентированных на получение качественного образования).

Существующее положение дел в системе образования удобно анализировать, опираясь на модель эксклюзии/инклюзии, центральным понятием которой является *soziale Ausgrenzung* 'социальное выталкивание, исключение'. Она зародилась в 90-е гг. XX в. во Франции в связи с изучением проблем так называемой новой бедности. В центре этой модели находится не вертикальное членение общества на верхний, средний и нижний уровень, а наличие двух полюсов (эксклюзии/инклюзии). Социальное неравенство трактуется не как плавно варьируемое неравенство между разными слоями населения, а как общественный разрыв, сдвиг (*Bruch*), раскол общества на включенных в него и вытолкнутых из него. Эксклюзия понимается при этом очень широко, начиная с безработицы и отсутствия перспективы получения качественного образования и заканчивая чувством унижения и депрессии. Биполярную модель часто развертывают в концепцию трех зон, путем помещения между двумя полюсами промежуточной зоны – *soziale Verwundbarkeit* 'зоны социальной ранимости', называемой в Германии *Zone der Prekarität* 'критической зоной'.

Особую популярность понятие *Prekarität* получило в начале XXI в. на фоне активных социальных процессов в европейских странах; первоначально оно использовалось только в связи с проблемами нищеты, и лишь затем оно стало

применяться для обозначения пограничных, нестабильных и критических состояний. Немецкими синонимами к *prekär* являются *verwundbar*, *unsicher*, *heikel*, *instabil*. В качестве русских соответствий в различных контекстах могут выступать: *затруднительный*, *трудный*, *сомнительный*, *щекотливый*, *опасный*, *критический*. Применительно к мигрантам необходимо говорить в первую очередь об их языковой уязвимости в принимающем обществе.

Уровень реализации требований инклюзии в области языкового образования в миграционных обществах вызывает резкую критику со стороны целого ряда исследователей [Thoma, Knappik 2015], активно привлекающих для этого понятие лингвицизма как практикуемой специфической формы расизма [Springsits 2015]. В последнее время лингвицизм как своего рода узаконенная легенда (*Ligitimierungslegende*) чаще всего проявляется в отнесении людей к тем или иным культурам, между которыми якобы существует принципиальная несовместимость, поэтому настоятельное требование приспособления к культуре места (страны) пребывания тем самым одновременно подразумевается как заведомо невыполнимое. Соответственно, между группами людей, представляющих различные культуры, а тем самым и различный уровень владения языком (*reale oder zugeschriebene Sprachigkeit*), выстраивается определенная иерархия, которая в тех или иных контекстах квалифицирует их как *tauglich* 'пригодных' или *weniger geeignet* 'мало-пригодных' для изучения языка. Так, в частности, миграционное прошлое почти автоматически ассоциируется с недостаточной языковой компетенцией.

Языковые нормы насаждаются централизованно, т. е. через образовательные учреждения. *Naturalisierung* 'натурализация' – приписывание индивиду каких-либо качеств только на основе его языковой принадлежности и языковой компетенции – раскрывается, например, через следующую систему понятий: *Homogenisierung der Sprachgruppen* 'гомогенизация языковых групп', *Heterogenität innerhalb der Gruppen* 'гетерогенность внутри групп', *Polarisierung der Gruppen* 'поляризация групп', *Hierarchisierung der Gruppen* 'иерархизация групп, выстраивание иерархии внутри групп', что в конечном итоге ведет к дискриминации людей по языковому признаку (*Diskriminierungen*). На практике эти идеи поддерживаются тем фактом, что в образовательных учреждениях стран с немецким языком в качестве государственного используется только этот язык (*Monolingualität des Schulsystems der amtlich deutschsprachigen Länder*).

С понятием лингвицизм коррелирует понятие неолингвицизм как особая форма расизма [Aygün-Sagdic, Bajenaru, Melter 2015]. Сторонники этой концепции утверждают, что миграционное законодательство Германии, поддерживая только крупные европейские языки (английский, французский, немецкий и испанский), легализует на практике пренебрежение правами человека. Утверждается, что традиционное отождествление языка, культуры и их носителей неправомерно и лишь создает проблемные ситуации.

Итак, неолингвицизм игнорирует реальное многоязычие общества в пользу языка большинства. Скрытая форма расизма усматривается уже в том, что федеральное правительство напрямую уязвляет успешную интеграцию с уровнем освоения немецкого языка. Существующие ограничения интерпретируются как эксклюзия во имя титульного национального языка, что ведет к эксклюзии «других» по признаку миграционного прошлого (*Migrationsandere*, *Nicht-Wir*). В этой связи авторы аналогичных по проблематике исследований в качестве основного выдвигают следующий тезис: в иерархически организованном обществе отношение языка и образования является заведомо ущемленным, уязвимым, перекошенным, неадекватным (*prekarisiert*). Именно на этом основании некоторые исследователи называют рассматриваемый исторический период *постколониальным*. Ряд экспертов отмечает в этой связи, что в системе образования Германии не разработаны стимулы для инклюзивного образования и отсутствует традиция поддержки проблемных учащихся как таковая (*Förderkultur*). Как бы то ни было, проблемы языкового образования в так называемых миграционных обществах привели к появлению интеграционной индустрии (*Integrationsindustrie*) и миграционной педагогики (*Migrationspädagogik*), т. е. к разработке своеобразного междисциплинарного проекта – теории инклюзии, когда на первый план выходят языковые и профессиональные потребности каждого конкретного человека как реализация его демократических прав. Образовательный аспект инклюзии в рассмотренных исследованиях чрезмерно политизирован и не выходит на рассмотрение собственно методических и дидактических вопросов.

Вместе с тем сторонники идеи лингвицизма в своих исходных посылах не были первопроходцами, они во многом продолжают развивать идеи крупнейшего специалиста в области языков мира Х. Харманна [Haarmann 2002], который также описывал уникальность языковой ситуации в Европе начала нового столетия, об-

ращаясь к глобальным миграционным процессам, в частности, к взаимодействию языков-старожилов (*Alteuropäer*) и языков многочисленных иммигрантов (*Neueuropäer*). Согласно Х. Харманну, необходимо по-новому определять понятия «быть немцем» (*Deutschsein*), «немецкое» (*Deutschtum*) и «принадлежность к немецкому языковому сообществу» (*Zugehörigkeit zur deutschen Sprachgemeinschaft*): в настоящее время невозможно трактовать понятие немецкого языкового сообщества с позиций одного языка (*unilateral*). Поэтому понятия мультикультурности и мультилингвальности не должны политизироваться, а должны находить свое воплощение в региональных программах, направленных на поддержание всех национальных языков и культур.

Итак, понятие инклюзии рассматривается в различных областях общественного дискурса по-разному. В текстах социологической направленности, вполне закономерно служащих отправной точкой и основой для формирования общественного дискурса, отражающего тему миграции, понятие инклюзии раскрывается традиционно как социальная интеграция. В лингводидактическом освещении понятие инклюзии подается через призму требований миграционной педагогики. В понимании лингвистов инклюзия интерпретируется путем требования смены парадигм, т. е. необходимости отказа от лингвицизма и неолингвицизма и перехода к гармонизации взаимодействия языков-старожилов (*Alteuropäer*) и языков европейских мигрантов (*Neueuropäer*).

Список литературы

Aygin-Sagdic G., Bajenaru O., Melter C. Gedanken zum Verhältnis von Rassismus, nationalsprachlicher Diskriminierung und Neolinguizismus // Thoma N., Knappik M. (Hg.) Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Machtkritische Perspektiven auf ein prekariertes Verhältnis. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. S. 109–128.

Geissler R. Struktur und Entwicklung der Bevölkerung // Sozialer Wandel in Deutschland. Informationen zur politischen Bildung. 2014. Bd. 4. S. 4–9.

Geißler R., Weber-Menges S. Migrantenkinder im Bildungssystem: doppelt benachteiligt // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). 2008. Bd. 40. S. 14–22.

Haarmann H. Sprachenvielfalt im Globalisierungsprozess // Horberg R. (Hg) Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. S. 9–29.

Thoma N., Knappik M. (Hg.). Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Machtkritische Perspektiven auf ein prekariertes Verhältnis. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. 345 S.

Springsits B. „Nein, das kann nur die Muttersprache sein“. Spracherwerbsmythen und Linguizismus / Thoma N., Knappik M. (Hg.) Sprache und Bildung in Migrationsgesellschaften. Machtkritische Perspektiven auf ein prekariertes Verhältnis. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. S. 89–108.

Weinrich H. Europa – Linguafrancaland? // Deutsch – Englisch – Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. S. 30–43.

THE CONCEPT OF INCLUSION IN GERMAN SOCIAL DISCOURSE

Larisa G. Lapina

Assistant Professor, Linguodidactics Department
Perm State University

The paper focuses on the functions of the general academic notion of inclusion in German social discourse devoted to European migration. The analysis was carried out on the material of sociological, linguodidactic and linguistic texts. The analysis of linguistic resources revealed certain differences in considering the concept of inclusion in the respective areas of social discourse.

Keywords: inclusion; migration; globalization; multilingualism; homogeneous society; integration; expansion of education; linguicism; migration pedagogics.